

лами. Испытанная автором эмоция переносится и в действительность: «и возбнух яко от сна, и дивлюся сему видению» (253). В другом случае таким эмоционально-психологическим фоном развивающегося видения является описание радости автора, создаваемое при помощи лексических повторов: «Богородица руками... больную мою руку осязает, и преста рука моя болети и... отъиде тоска, и радость на мя найде, а пречистая руками над мою рукою яко играет... и велика радость найде на мя тогда». Это же настроение продолжается за пределами видения, психологически закрепляя увиденное автором: «Аз же... яко от сна убудихся... а сердце радуется» (249). Таким образом, эмоциональная оценка изображаемых событий развивается как бы контрапунктически по отношению к ходу действия.

Элементы психологического автобиографизма получают у Епифания некоторое риторическое развитие. Чувство удивления, вызванное видениями и чудесами, разрастается в недоуменные мысли автора, облекающиеся в форму его обращений и вопросов, адресованных к самому себе или к богу. Указания на то, что подвижник обращается к самому себе и к богу, встречаются в житийной литературе. Так, Боголеп «рече в себе: „Востани, господи, в помощь моя...“», а Авраамий, осуждая его, «рече в себе: яко и нам старец тяжкий устав... предаде».⁴⁰ Филипп Ирапский «рече в себе: „Терпи, Филиппе, мужайся...“».⁴¹ Своеобразно используя этот прием внутреннего монолога, Епифаний мысленно задает богу и самому себе вопросы, которые должны предварить и обострить явление чуда, на них, по существу, и отвечающего. Он постоянно говорит так: «... дивлюся сему видению, глаголя в себе: „Господи, что се хошет быти?“» (253); «и начах глаголати в себе сице: „Что се творится надо мной бедным?“» (254); «Аз же, грешный, убудихся яко от сна и рекох себе: „Что се будет видение?“» (257).

В некоторых случаях эмоциональная реакция автора сопровождается уже более сложной формой рассуждения, но сохраняет иногда то же формальное пояснение («в себе»), которое было уместнее для внутреннего монолога, чем для изображения процесса мысли. Получается как бы изложение мыслей вслух: «... дивлюся, помышляя в себе: како обретеса в келии моей друг мой (Евфросин, — А. Р.) и гроб его... Что хошет быти се?» (244); «Аз же лежа помышляю: что се бысть надо мною?» (249). Эти размышления служат у Епифания своеобразным психологическим фоном для изображения чудес и видений. Но сама форма введения их в повествование также воспринята из житийной традиции: «нача помышляти в себе святой», рассказывается, например, о Евфросине Псковском.⁴²

Точно такие же, хотя и реже встречающиеся, разговоры с самим собой вводит Епифаний применительно к описанию реальной обстановки: «возлегшу на одре моем и рекох себе: „Ну, окаяние Епифане...“» (256); «И инако подобно сему рекох себе...» (257); «Тогда аз... возлег на печи и начах помышляти в себе сице: „Горе мне, бедному, — как жить?“» (250).

Чувства и настроения автора выражаются им обычно в традиционном внешних проявлениях. Подобно тому, как автор материализует видения, он материализует и закрепляет потворяющимися формулами описания собственных чувств и психологических состояний. Эта внешняя фиксация своих внутренних состояний прежде всего выступает в форме обычных описаний ритуальных действий. В житийной литературе молитва подвиж-

⁴⁰ Там же, стр. 56, 58.

⁴¹ Житие Филиппа Ирапского, стр. 62, ср. стр. 17, 32.

⁴² Повесть о Евфросине Псковском, стр. 79.